

United States Holocaust Memorial Museum

**Interview with Akilina Alexeevna Mosendz
RG-50.572*0073**

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Назовите, пожалуйста, ваши имя и фамилию.

Респондент: Мосис Закорина Алексеевна

Интервьюер: Какого года рождения Вы?

Респондент: Двадцать девятого.

Интервьюер: Где вы родились?

Респондент: В Рашкове.

Интервьюер: Когда война началась, где Вы находились?

Респондент: Как война началась, тут находились мы.

Интервьюер: В сорок первом году?

Респондент: Мы эвакуировались дальше. Вот тут центральная дорога была. Тут уже всякие ехали военные разные. Тут уже страшно было. И бомбили тут нашу переправу.

Интервьюер: И Ваша семья тоже эвакуировалась?

Респондент: Ну, мама и двое детей ещё было. Батюки не было, его забрали на фронт ещё до войны строить аэродром. Как началась война, батюку так и забрали на войну. А мы решили с мамой и детьми и бабушка старая — мы жили там, где бачили, на переправе в доме.

Интервьюер: Близко от реки Днестр?

Респондент: Да, близ реки Днестр. да.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, здесь в Рашкове жили евреи до войны?

Респондент: До войны — очень много. У нас местечко было — очень много евреев было. Жили они и даже колхоз был еврейский. Одни работали в колхозе евреи, а другие торговали в магазине, было богато. Торговали в магазинах, а те работали в колхозах — кто бухгалтером, кузнецы были. Ну, разнорабочие были. Земли имели свои они и наши работали люди. Даже мой батюка работал в колхозе. Он Карла Маркса назывался.

Интервьюер: карла Маркса, да?

Респондент: Колхоз, да. Малый садок у них свой. В саду работали и такие евреи, какие без специальности — они ходили тоже до работы, работали. Вот.

Интервьюер: А Вы знаете, приблизительно, сколько евреев жило? Там несколько сотен или тысяч?

Респондент: Богато, очень много было их, очень. Даже к ним приезжали летом с Одессы всякие родственники. Много сильно было.

Два кладбища еврейских.

Респондент: И кладбища еврейские аж два тут у нас. И синагога еврейская там в центре у нас. Вот.

Интервьюер: Вы знаете, что -- Вы видели лично, что с ними случилось? Во время войны с евреями?

Респондент: Как началась война, это в сорок первом. Ну, в сороковом году помалу началась война, что с Бессарабии, я так не помню. Но потом перемирие было. Было перемирие и уже, как соединились они, шли уже до нас сюда. Как война началась, то сильно было евреи почаковались сюда, сюда эвакуировались много.

Интервьюер: Из Бессарабии?

Респондент: С Бессарабии все на нашу сторону сюда. А все, как переедут с переправы, так и все в нашу дверь сюда, все в нашу дверь. А у нас тут уже был председатель сельсовета, Грецкий Ваня назывался. Он их распределил куда кого — тех отправлял, давал им транспорт. Куда они — кто до железной дороги, кто до Рыбницы, кто куда. Куда их отправлял — не знаю. И тут со временем, как их скопилось очень много на той стороне, и здесь побомбили очень. Налетели самолёты и так бомбили, что переправы не стало и там клали понтонный мост и мы туда текли в мост. уже мама забрала нас, мы текли туда под лес до родни. Вот тут больше двигались, больше стреляли, бомбили.

Интервьюер: И это Вы тогда говорите, что вы эвакуировались? Тогда, Вы имеете в виду?

Респондент: Ну, как начали бомбить и мы заре утекли вице. На следующий день мы уже не решились, но бабка решилась наша у двори, а мы с детьми все, мама поутекали туда дальше до родственников аж под лес. Там мы просидели уже пока война не кончилась.

Интервьюер: А сколько, примерно? Несколько недель или месяц?

Респондент: Прямо сидели до... ну, война началась в июне — июль, август месяц мы уже пришли.

Интервьюер: Обратно?

Респондент: Обратно сюда мы пришли. Уже до своих жилищ повертались мы. А отец — уже фронт прошёл, уже пришли все, и немцы и пришёл фронт, уже власть своя устанавливалась. Уже устанавливали у нас тут примарию, устанавливали уже, налаживали власть то.

Интервьюер: А кто налаживал власть? Какие власти пришли сюда?

Респондент: Румыны у нас особенно были. Румыны.

Интервьюер: И были немцы? Пришли сюда и немцы?

Респондент: Сначала немцы пришли, а потом уже румыны. Большинство у нас было румынов. Вот.

Интервьюер: И Вы можете рассказать, что Вы видели? О том, что случилось с евреями Рашкова?

Респондент: Ну, что мы видели?! Видели, что их гоняли очень, группами. С Каменки или откуда - они ж текали, они тоже эвакуировались. Но где они их — уже там тоже перешёл фронт их или что, где они их, куда их собирали и угоняли. То ли в Каменку. А в Каменке их гнали такими партиями до Рыбницы или куда. Но, кажется, гнали туда. Там было одето в Рыбнице и туда их гнали. А богато. А наших — тут наши тоже жили и они тоже все эвакуировались во время войны. Куда, что — кто куда. Но трохи наших спасали наши люди. Где они у нас выховывались — по селам, по всем, таких глухих. По селам, значит, они выховывались. Их выховывали люди наши. Когда их уже брали малыми партиями, гнали — то они уже ничего, не догоняли. Гнали их до Рыбницы или что. И они уже тут расстреляли, но не сразу, а гнали туда выше. Вот тут выше, где у нас тут ясоцки. Там у нас сказали расстреляли партию.

Интервьюер: Вы слышали об этом, Вы не видели? Люди говорили?

Респондент: Нет, не видели. Мы не видели, выше нас было. Но сказали может там были и наши Рашковские такие жители. Но это мы не видели, но слышали, что там их постреляли. А вот в другую ночь около нас — там, где переправа — той дорогой погнали до Днестра. Ночью, мы не видели. Рано, но соседи те, что жили при берегу, сказали, что ночью крик был, очень кричали. Кричали женщины, дети «Спасайте! Спасайте!». Их расстреливали. Но мы не видели.

Интервьюер: А Вы слышали эти крики, этот плач? Вы слышали?

Респондент: Не слышали, потому что мы в хатах были. Кто выходит туда ночью, когда за дверью не светло? Как увидишь свет в хатах, думаешь там коммунисты. Там ходили искали по хатам тоже. Не только они расстреливали., их коммунисты тоже пособирали, расстреливали.

Интервьюер: То есть, об этой истории Вы слышали от других людей? Вы лично не видели?

Респондент: Сами не видели воочию. Что мы видели — это как дорогами гнали их - туда гнали, туда. Старики, которые не могли, падали. Их добивали. Так и оставляли на дорогах. А так, что и что — нам уже утром сказали, что ой тут напротив нас расстреляли. Вот так, с правой стороны дороги, на Днестре.

Интервьюер: А Вы на второй день пошли туда на Днестр смотреть?

Респондент: Никто не ходил дивиться, не шли. Потому что их там сидели и охраняли, чтоб никто не пришёл и не вытащил из воды или что там, если они на берегу были.

Интервьюер: А откуда Вы знаете, что там была охрана?

Респондент: Показали там, стоят охраняют.

Интервьюер: Вам когда-нибудь приходилось видеть, как мёртвых в реке? В Днестре?

Респондент: Плыли по Днестру.

Интервьюер: Видели Вы?

Респондент: Плыли. Мы близко не видели. Здесь потопили вичше.

Интервьюер: Сколько раз Вы видели, чтобы плыли по Днестру мёртвые?

Респондент: Ну, может раз видели. Больше мы не ходили.

Интервьюер: Раз?

Респондент: да. один раз, как плывут. Там постреляли, а они плывут Днестром.

Интервьюер: И Вы могли кого-то узнать?

Респондент: А как узнаешь?

Интервьюер: Вы были далеко или близко от берега?

Респондент: Близко мы не были до берега, нет. Так видно было, что плывут по берегу. Там по Днестру плыли.

Интервьюер: сколько тел Вы видели, что плыли?

Респондент: Ну, так видели, что может одно или два. Так много не видели, чтоб они плыли все, выплывали разом.

Интервьюер: А когда это было? После того, как Вы вернулись из эвакуации в августе?

Респондент: Да, как мы вернулись. Уже была осень.

Интервьюер: Осенью было?

Респондент: Осенью было уже.

Интервьюер: А Вы видели когда-нибудь, чтобы или стреляли, или топили евреев? Вы лично видели?

Респондент: Не видели мы такое лично. Не видели. Мы сами ховались.

Интервьюер: А вот Вы говорите, что видели, как их гоняли?

Респондент: Ну, гнали дорогою их. Куда до Рыбницы гнали.

Интервьюер: Через Рашков?

Респондент: Через Рашков. Особенно были они то ли с Украины, то ли наши. Не знаю.

Интервьюер: сколько рыз Вы видели вот эти группы, которых гоняли?

Респондент: Группы — может два раза, три. Сколько их там было — может по пятьдесят человек, может поменьше было. Как они их находили. Потом находили по хатам и гнали. Наши ховали их, а они уже ходили и искали их по хатам. А некоторые и после войны поприходили. Их посохроняли по селам таких глухих. И они пришли и жили тут, и работали уже после войны.

Интервьюер: Расскажите, пожалуйста, о тех случаях, когда Вы видели вот эти два — три раза, когда гоняли евреев? Кто гонял их?

Респондент: Ну, шли кругом их солдаты.

Интервьюер: А какие солдаты? Не помните?

Респондент: Не помню.

Интервьюер: Не помните.

Респондент: Не помню.

Интервьюер: А много солдат было?

Респондент: Ну, как шли — и впереди, и сзади шли. Охраняли, чтобы они не разбегались, чтобы они никуда не текали.

Интервьюер: А откуда Вы знали, что они еврей? Вот эти люди, которых вели. Как Вы знали?

Респондент: Мы знали. Уже видели, что уже еврей. Других людей не гоняли, евреев гоняли особо.

Интервьюер: И в этих группах — там были только мужчины или женщины?

Респондент: И женщины, и мужчины, и дети были такие в возрасте, как моя внучка.

Интервьюер: И как они выглядели?

Респондент: Шли все так, склонённые.

Интервьюер: Их били или нет?

Респондент: Я не видела, чтоб их били. Они же не текали никуда. Они все держались за руки, вкупе держались и шли так.

Интервьюер: У них были какие-то вещи с собой?

Респондент: А может маленькие такие сумочки, может что. Что-то легонькое. Они мало вещей колосед, не яких.

Интервьюер: Вы говорите, что вот там были старики и они, если падали, там и оставались. Вы видели, как падали старики?

Респондент: Ну, сказали «Ой, там упал старик. Не мог идти». По дороге до Рыбницы.

Интервьюер: Упал и там и остался?

Респондент: Ну и оставался там.

Интервьюер: Это Вам люди говорили?

Респондент: Да, да.

Интервьюер: А вот Вы говорите, что по хатам их шукали. Румыны их шукали?

Респондент: Шукали коммунистов и евреев. Шукали, по хатам ходили.

Интервьюер: В Ваш дом они тоже приходили?

Респондент: С крыш ходили они.

Интервьюер: И Вы помните, как они приходили к вам?

Респондент: Да. пытали — коммунист? Коммунист?

Интервьюер: И смотрели везде?

Респондент: Ходили с крыш подивились и пошли дальше в другую хату.

Интервьюер: Один раз приходили или несколько раз приходили?

Респондент: Один раз приходили. Так что... потом шли дальше. Под лес они не ходили. Побоялись под лес. Мы сами туда текали под лес спастись.

Интервьюер: Вот Вы говорите, что были случаи, когда евреев прятали местные люди.

Респондент: да.

Интервьюер: Вы знаете о каких-то случаях таких? Помните кто?

Респондент: Ну, я знаю одного еврея — у Кузьмы спрятала семью. Он у нас работал после войны на маслобойке. Клейман Моть. Его у Кузьмины спрятали.

Интервьюер: Клейман Мотя?

Респондент: Моть.

Интервьюер: Моть?

Респондент: Да, да. Он пришёл и работал тут на маслобойке у нас. Потом ещё Бузя один был — торговал в магазине. Тоже его прятали здесь на селах таких не центральных, придорожных, а так - где глухие села. Такие, чтобы там они не ховались. Так они выживали у них.

Интервьюер: И это были Рашковские евреи?

Респондент: Рашковские, да. Они назад повертались и где на Украине были. Потом один был Ой, я забыла. Нейман! Нейман! Брушка. Они торговали в магазине до войны. И тоже их где-то - они не то на Украине. Тоже их спрятали. Они вернулись после войны и тут жили. Только недавно они начали выезжать в Израиль или куда. Дома попродали. Тут у нас повыезжали кто уже после войны остался. Но работали после войны у нас — и шили, и в артиллериях работали, и кузнецы работали. Те - они до войны тоже работали и после войны.

Интервьюер: А Вы видели когда-нибудь, чтобы румыны выводили из домов евреев местных Рашковских? Как их сгоняли?

Респондент: Нет, это мы не видели. Евреи там дальше жили, а мы тут жили.

Интервьюер: И Вы не видели, что там происходило?

Респондент: Нет, не видели. Это мы не бачили.

Интервьюер: А что случилось с домами, с имуществами, с вещами евреев уже?

Респондент: Ну, они как эвакуировались эти все, дома пооставляли все свои.

Интервьюер: И что стало с ними?

Респондент: Разграбляли их.

Интервьюер: А кто разграблял?

Респондент: А кто? Я знаю кто? Кто, что — кто туда шёл я знаю?

Интервьюер: Ну, люди или власти новые?

Респондент: И власти, я знаю кто. Ну, разграбляли, разбирали их там добро, что они могли оставить там. Вот.

Интервьюер: И там жили кто-нибудь в этих домах потом?

Респондент: Потом жили там — там же скала завалила. Там целый поселок скала завалила и люди не могли жить, их дома ушли под воду. А они уже их поселяли в тех домах, да никого не было ж. Потом, когда они уже приходили после войны, они им освобождали дома и они

поселялись и жили в своих домах. А те люди уже потом кто купил и они выезжали из домов — тут сейчас сколько их домов, где живут люди. Поремонтировали их.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, а как вели себя румыны с людьми здесь в Рашкове во время войны?

Респондент: Ну, во время войны — как они?! Все боялись, все текали от них.

Интервьюер: А почему?

Респондент: Ну, они били.

Интервьюер: А за что били?

Респондент: За что-нибудь. Неправильно обратился или что. Все текали. Молодёжь вся ховалась, потому что достанут на улице двое и их забирали туда в их коммандатуру. Ночами нигде никто не ходил. И днём ховались. Страшно было.

Интервьюер: Видели ли Вы какие-нибудь случаи, когда арестовывали или убивали кого-нибудь из коммунистов?

Респондент: Не видела. У нас батька был коммунист и тоже его арестовали. И вывели даже куда-то там на поле и их позабирали. Наших всех, кто был коммунист.

Интервьюер: Местных?

Респондент: Местных. И там постреляли по ним и они попадали там. Так они лежали ночью, пока не побиты и не поприходили дудон. А они--

Интервьюер: И кто-то вернулся из них?

Респондент: Вернулся.

Интервьюер: Кто?

Респондент: И батька его вернулся, но ховались. Потом ховались, чтобы не выказывались, что он коммунист, а тот--

Интервьюер: а можете, пожалуйста, сказать фамилию и имя его отца? Вашего свёкра, да?

Респондент: Мосев дядь Сергей Тимофеевич.

Интервьюер: И он выжил?

Респондент: Выжил.

Интервьюер: Вот после войны он выжил?

Респондент: Выжил, выжил.

Интервьюер: Известны ли Вам ещё какие-нибудь случаи, когда других людей местных любой национальности преследовали?

Респондент: Ой, так не помню сейчас. Не помнится.

Интервьюер: Спасибо.

Респондент: Что могла, то я вспомнила.